

Д. Панто,
д-р ист. наук, гл. специалист науч. отдела Музея
Второй мировой войны в г. Гданьске, г. Гданьск, Польша

КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1918–1937 гг. (НА ПРИМЕРЕ АПОСТОЛЬСКОГО ВИКАРИАТА СИБИРИ)

После Октябрьского переворота и установления власти большевиков для Католической церкви в России начался тяжелый период. Советское правительство, провозгласив идеи коммунизма, объявило о строительстве новой модели общества, в котором нет места на религиозные убеждения. Отношения между Советским государством и Католической церковью резко ухудшились. Христианская модель мира и межчеловеческих отношений не вписывалась в рамки будущего коммунистического общества. Религия мешала коммунистам осуществить собственные планы на овладение человеческим сознанием, поэтому большевики не скупались в средствах для ее устранения. Стоит подчеркнуть, что первые циркуляры и декреты большевиков были направлены против религии, церкви, священнослужителей и верующих. Политика советской власти с первых же дней была направлена на то, чтобы устранить церковь из всех сфер жизни. Кроме административных и законодательных мер большевики для достижения своей цели ликвидации религии использовали террор¹.

Территория Сибири со всем католическим населением региона после Октябрьского переворота и последовавшей за ним Гражданской войны оказалась почти недоступной для церковного руководства Могилевской архиепархии, поэтому Рим образовал 1 декабря 1921 г. самостоятельный, не подчинявшийся епархии, апостольский викариат Сибири. Апостольский викариат Сибири, согласно официальному каталогу, в 1923 г. состоял из пяти деканатов: Томского, Омского, Иркутского, Ташкентского и Владивостокского². Территори-

ально в Апостольский викариат Сибири входили: приходы Западной и Восточной Сибири, а также Средней Азии. Количество верующих в разных источниках варьируется от 75 тыс.³ до 101 140 верующих⁴. На территории викариата работало около 15 священников, которые служили в 82 церквях, часовнях и молитвенных домах. В 1923 г. была проведена единственная за всю историю деятельности Католической церкви в СССР перепись католиков, согласно которой в Тобольске, Таре, Кургане, Тюмени было по 200 прихожан, в Ишиме проживало 500 католиков.

Первый апостольский викарий Сибири был назначен довольно поздно – 17 декабря 1924 г. И стал им францисканец Герард Петровский. Отец Петровский был хорошим пастырем и опытным миссионером. Свою миссионерскую деятельность он начал в 1912 г. в Китае. В 1913 г. о. Герард был переведен на самостоятельную службу в Тен-Мен⁵. Во время своего служения в Китае отец Петровский работал в Хву-Пе, Хван-То-Тан и Янло⁶.

Первоначально Апостольский викариат Сибири занимал территорию более 12 млн кв. км. После отделения от него Владивостокской епархии Апостольский викариат занимал 9,5 млн кв. км. Численность католиков в это время составляла около 78 тыс.⁷ В начале своей деятельности о. Петровский под своей юрисдикцией имел 63 священника, однако уже за короткое время их количество сократилось до 11. Еще одной трудностью в управлении викариатом было то, что о. Петровский находился все время в Харбине (в то время уже за пределами СССР), который в то время исполнял функцию административного центра Апостольского викариата Сибири. Данное обстоятельство усложняло коммуникацию между центром и приходами⁸. 15 июня отец Петровский был назначен генеральным викарием Харбинской апостольской администрации, где проживало большое количество католиков, эмигрировавших туда после революции. Новое назначение о. Петровского и отсутствие возможности посетить апостольский викариат Сибири поспособствовали тому, что в 1926 г. новым апостольским викарием был назначен томский декан священник Юлиан Гронский (в связи с нехваткой священников он вынуж-

³ Dzwonkowski R. Kościół katolicki w ZSSR 1917–1939. Zarys historii. Lublin, 1997. S. 49.

⁴ Directorium officii Diviniac Missarum Archidieocesis Mohiloviensis. P. 1923.

⁵ Bogdalski C. Misje polskich OO. Bernardynów. Krakow, 1926. S. 26–27.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid. S. 32; Kapitańczyk K. Udział Polski w dziele misyjnym: szkic historyczny. Poznań, 1933. S. 101–102.

⁸ Grochowski K. Polacy na Dalekim Wschodzie. Harbin, 1928. S. 46–47.

¹ Лиценбергер О.А. Римско-католическая церковь в России. История и правовое положение. Саратов, 2001. С. 186–187.

² Directorium officii Diviniac Missarum Archidieocesis Mohiloviensis. P. 1923.

ден был совмещать должности апостольского викария и томского декана). Отец Юлиан Гронский родился в 1887 г. В 1903 г., после окончания Санкт-Петербургской духовной семинарии был рукоположен. После 1918 г. служил в различных сибирских приходах (Иркутск, Томск)⁹.

Кандидатура священника Юлиана Гронского на эту должность рассматривалась гораздо раньше, в 1921–1922 гг. Он был признан вполне соответствующим для ее занятия, однако, по неизвестной нам причине, назначение получил только в 1926 г. Секретарь курии о. Тройго так писал об о. Юлиане в своем рапорте епископу Роппу: «В других сибирских деканатах – а именно в Иркутске и Томске – есть кандидаты на епископов¹⁰: деканы о. Демикус и томский о. Гронский (после ухода Колчака они поменялись деканатами, поскольку Ваше Высокопреосвященство назначил о. Гронского в Иркутск). О. Гронский весьма и весьма полезен, работая в Сибири. Я полагаю, лучшего кандидата на епископа в Сибирь найти трудно. **Правда, он литовец**¹¹, но умеренный и католический, приятельский в общении и интеллигентный, богословски довольно основательно образован, хотя не был в академии и научной степени не имеет, подвижный и деятельный, любит разъезды, владеет польским, русским, литовским, латышским и немецким языками – это священник без упрека, чистый в привычках и ревностный в делах Бога и Церкви. Он более всего подошел бы, тем не менее, для Западной Сибири, то есть там, где он сейчас, в Томске»¹². Благодаря этому рапорту мы можем судить, каким был о. Юлиан и по каким критериям выбирали апостольских администраторов.

Положение Католической церкви в Сибири в конце 1920-х гг. резко ухудшилось. Одной из причин было изменение (создание) нового антирелигиозного законодательства. 24 января 1929 г. было подписано постановление «О мерах по усилению антирелигиозной работы». Данное постановление фактически открывало дорогу для административных и репрессивных мер в борьбе с религией, церковью, священнослужителями и верующими. В том году приобретают

⁹ Осипова И.И. В язвах своих сокрой меня... Гонения на католическую церковь в СССР. М., 1996. С. 163.

¹⁰ Скорее всего тут идет речь о планах, чтобы все апостольские администраторы были епископами, однако этим планам не суждено было свершиться. Только в Европейской части Советского Союза удалось рукоположить администраторов в епископы.

¹¹ Подчеркнуто в тексте.

¹² Козлов-Струтинский С.Г. Материалы к истории Римско-католического прихода во имя Посещения Пресв. Девой Марией св. Елисаветы и к истории католического кладбища Выборгской стороны в Санкт-Петербурге. СПб., 2010. С. 108.

массовый характер аресты католических священнослужителей. Священники были окончательно объявлены врагами советского государства. В период 1930–1931 гг. в ходе групповых процессов было осуждено более 100 католических священников польской и немецкой национальности¹³.

На основании данного антирелигиозного законодательства в Томске готовили процесс против апостольского администратора Сибири о. Юлиана Гронского¹⁴. Его арест в целях антирелигиозной пропаганды был хорошо подготовлен и освещен в местной прессе. Безымянный автор пишет: «В деревне Белосток я проживаю с 1900 года. За последние 8 лет я занимал разные общественные должности: был председателем сельского совета, секретарем ИТС. Население деревни Белосток состоит исключительно из поляков, которые до фанатизма религиозны. Чтут свою религию и своих ксендзов, и за последнего готовы пойти на все. К его приездам готовятся за неделю, а то и за две. Все приезды ксендза Гронского обязательно совпадают с какими-либо советскими кампаниями, как, например, распространение займа, увеличение посевной площади, контрактации и хлебозаготовок. За время его нахождения в деревне никакой работы проводить было нельзя, так как все население шло к нему. А когда он уезжал, так то или иное мероприятие проводили с большим трудом. В феврале месяце сего года приезд Гронского совпал как раз, когда работали ударные бригады по проведению увеличения посевной площади и коллективизации. До приезда ксендза многие имели желание записаться в коллективное хозяйство, но после его отъезда не оказалось ни одного желающего. Когда я стал это выяснять, то, по словам женщин, выяснил, что ксендз Гронский им говорил: “Весной не позднее апреля месяца будут крупные события. После которых все мы будем поляками, Польша объявит войну СССР и Советская власть падет”. Гронский, учитывая, что население его слушает больше, чем кого-либо другого, и поэтому крестьянам заявил: “Я приехал к вам в последний раз, если вы войдете в колхоз, то я больше к вам никогда не приеду, ибо коллективизация против религии, против Бога, и поэтому я вас предупреждаю”. После его отъезда стали распускаться слухи, что всем колхозникам будут ставить печати, и что скоро Советской власти не будет»¹⁵.

¹³ Dzwonkowski R. Kościół katolicki w ZSSR 1917–1939. Zarys historii. Lublin, 1997. S. 45.

¹⁴ Ханевич В.А. Католики в Кузбассе (XVII–XX вв.): очерк истории, материалы, документы. Кемерово, 2009. С. 130.

¹⁵ Архив Управления ФСБ по Томской области. Уголовно-следственное дело № 252 (дело Юлиана Гронского). Материалы из данного архива предоставлены

После такого рода памфлетов в прессе действий органов НКВД не следовало долго ожидать (весь этот процесс выглядит как режиссерская постановка). 25 апреля 1931 г. в квартире в Томске, расположенной на улице Бакунина, д. 17, арестовали отца Юлиана Гронского. В это же время органы арестовали членов приходских «двадцаток»¹⁶, проживавших в различных городах Западной Сибири. Например, в Томске по делу отца Гронского было арестовано 12 человек.

Обвинения советской стороны были поставлены на «высокий» уровень, поэтому на процессы приходило большое количество «свидетелей», которые в своих показаниях, зачастую похожих друг на друга, обвиняли западносибирских католиков в контрреволюционной деятельности. Вот некоторые выдержки из такого рода показаний: «С того момента, как только я вошел в Новосибирскую контрреволюционную общину, заметил, что вокруг костела под видом общины существует контрреволюционное ядро... которые, группируясь вокруг костела, вели систематически антисоветскую агитацию, вкрапывая в основную массу католиков, да и вообще обывателей различные провокационные слухи» либо: «Булышко, Бах, Чаман, Полянченко и другие представляли из себя группу прихожан, далеко не являясь аполитичными верующими, группирующимися вокруг костела с чисто религиозными целями. Вся эта публика представляла из себя ярко выраженную контрреволюционную группировку, которая под видом религиозности занималась антисоветской агитацией и распространением провокационных слухов. Из двух бывших при мне приездах Гронского я заключил, что известное влияние на первых в их антисоветской деятельности имеет последний»¹⁷.

Изучая следственное дело о. Юлиана, можно проследить, какие обвинения были ему предъявлены. Итак, в первую очередь о. Гронскому инкриминировались: шпионская деятельность и связь с Ватиканом через Харбин, в частности используя услуги апостольских администраторов Харбина о. Пиотровского и отца Абрантовича; организация контрреволюционных группировок с целью контрреволюционной деятельности. Одной из таких вымышленных контрреволюционных организаций, возглавлявшихся о. Гронским, была «Партия Христа Господнего». По словам следователей, данная «партия» была «организованной Гронским, вела контрреволюционную деятельность, направленную к срыву и дискредитации проводимых партией

и властью мероприятий, и будучи тесно увязанными с Гронским, использовались последним в его контрреволюционной деятельности, то есть в преступлении, предусмотренным статьей 58–11 УК»¹⁸.

Обвинители приговорили Гронского к 10-летней ссылке. Первоначально о. Юлиана отправили в Сиблаг. По воспоминаниям местных католиков, Юлиан Гронский во время ареста был пожилым человеком, высокого роста, тучного телосложения, страдающим болезнью ног¹⁹. В августе 1932 г. о. Юлиан был этапирован на Соловецкие острова, а в 1933 г. вывезен в Москву во внутреннюю тюрьму ГПУ²⁰. Зимой 1933 (1934?) г. о. Юлиан был обменян на советских шпионов в Литве²¹.

После ареста о. Юлиана Гронского должность апостольского администратора Сибири и настоятеля томского прихода перешла к о. Иерониму Церпенто, настоятелю Красноярского прихода. Отец Иероним Церпенто родился в 1878 г. в Виленской губернии. В 1902 г. был рукоположен в священники. Пастырская деятельность в Сибири для него началась в 1917 г. В 1929 г. был арестован в Томске и осужден на 6 месяцев тюрьмы. После освобождения продолжал служить в Красноярске и Иркутске²².

2 июня 1935 г. в Красноярске органы НКВД арестовали о. Церпенто. 24 июня 1936 г. военный трибунал Сибирского военного округа приговорил о. Церпенто к 10 годам лишения свободы (лагерей) с конфискацией имущества. Приговор звучал следующим образом: «На основании изложенного, Военный Трибунал признал виновными: Церпенто в том, что в период Колчаковщины в Сибири, оказывал активную помощь Колчаковской белой армии и международной буржуазии в осуществлении враждебной деятельности против СССР и в том, что организовав контрреволюционную группу, в течение длительного периода времени занимался собиранием контрреволюционных шпионских сведений экономического, политического и военно-оперативного характера и вместе со своими контрреволюционными клеветническими измышлениями передавал через разных лиц в посольства иностранных держав, то есть в преступлении, предусмотренном статьями 58–4–6 и 11 УК взамен предъявленного обвинения по статьям 58–3–6–10–11 УК»²³. Вместе с о. Иеронимом были арестованы несколько наиболее активных прихожан.

¹⁸ Архив Управления ФСБ Томской области. Д. П-1273. Л. 35–38. Машинопись.

¹⁹ Ханевич В.А. Указ. соч. С. 132.

²⁰ Осипова И.И. Указ. соч. С. 163.

²¹ Козлов-Струтинский С.Г. Указ. соч. С. 109.

²² Осипова И.И. Указ. соч. С. 209.

²³ Архив Управления ФСБ по Томской области. Архивно-следственное дело № 27.

были автору Ириной Осиповой и Василем Ханевичем, за что им признателен и благодарен.

¹⁶ В основном из числа членов приходских «двадцаток».

¹⁷ Архив Управления ФСБ по Томской области. Архивно-следственное дело № 13564. Л. 41–40, 64.

Отбывая наказание, был арестован в лагере, в 1937 г. На этот раз его обвиняли в том, что он якобы являлся членом Сибирского центра ПОВ (Польская организация войсковая), связан с польским генштабом и Ватиканом, в течение ряда лет проводил контрреволюционную повстанческую деятельность среди польских колоний Сибири. Постановлением Особого совещания УНКВД СССР и прокурора СССР от 4 января 1938 г. Церпенто Ирониму Иронимовичу была назначена высшая мера наказания – расстрел. Постановление о расстреле было приведено в исполнение 18 января 1938 г. в Красноярске²⁴.

В 1935 г., после ареста о. Церпенто, обязанности апостольского администратора перешли к настоятелю Иркутского прихода о. Антонию Жуковскому. Отец Антоний Жуковский родился в 1885 г. в Иркутске. В 1909 г. был рукоположен в священники, после чего начал свое служение в католических приходах Сибири. Отец Жуковский на протяжении всего времени преследовался властями. В самом начале своего служения в Благовещенске о. Жуковского обвинили в пропаганде католицизма среди православного населения. На него было заведено уголовное дело, Могилевский митрополит так описывал его положение после ареста: «Его положение несравненно хуже, чем уголовного преступника, он лишен права иметь защитника. Епархиальный начальник не в силах оказать ему помощь, так как его мнение считается пристрастным и односторонним»²⁵. Стараясь обереечь отца Антония от тюрьмы, митрополит назначает его сначала капелланом в немецкие колонии Тургайских степей, после чего переводит его на низшую должность филиалиста в Барнаул. Работая в Барнауле, он также был арестован в 1912 г., однако царские власти прекратили дело, и о. Антоний был освобожден по амнистии. Во время советской власти был заложником (в 1920), в 1926 г. арестован и осужден на три года; наказание отбывал в Вишерском лагере (Уральские горы). После освобождения был сослан на три года в Сыктывкар. Отбыв наказание, вернулся обратно к своим прихожанам в Иркутск²⁶.

Отца Жуковского арестовали в Томске 14 июля 1937 г., куда он отправился по просьбе прихожан для совершения богослужения и таинств. В обвинительном приговоре о. Жуковского читаем: «В июне 1937 года в городе Томске арестован член Сибирского комитета шпионско-диверсионной, террористической, повстанческой организации, созданной 2 отделом польского Главного штаба – “Польской

организации войсковой” – Жуковский Андрей Иосифович, до ареста служивший ксендзом Иркутской и Томской римско-католических общин и администратором Ватикана по Сибири... В 1921–24 годах Жуковский был связан с польскими офицерами Свицерским и Гинтовт – членами польской делегации в комиссии по оптации и репатриации и под их руководством создал филиал и комитеты шпионско-диверсионной, террористической-повстанческой организации “ПОВ” в городах Барнауле и Новосибирске. В это же время лично завербовал для шпионской работы в пользу Польши командира войск ЧК ГПУ по Алтаю, поляка, бывшего офицера Повчинского. В 1924–34 годах Жуковский создал филиал “ПОВ” в городе Иркутске, на Черемховском каменноугольном руднике и на железнодорожных станциях: Слюдянке, Оловянная и Черемхово. В 34 году по заданию эмиссара польской разведки ксендза Церпенто вошел в состав Сибирского комитета “ПОВ”, который готовил в момент войны фашистских стран против СССР вооруженное выступление филиалов “ПОВ” на территории всей Сибири. Как член Сибирского комитета “ПОВ”, лично руководил деятельностью комитетов “ПОВ” в городах Иркутске, Томске, Барнауле и Барабинске, которые вели диверсионную работу на железной дороге и в промышленности и готовили вооруженное выступление против Советской власти. По заданию названного выше Сибирского комитета в 36 году имел встречи с военным атташе польского посольства в Москве – польским офицером Логодой и офицером 2-го отдела польского главного штаба Липецким, которому передал шпионские сведения о политическом положении сибирских польских колоний и о подготовке филиалов ПОВ вооруженного выступления»²⁷. Сотрудники НКВД, исследовав круг знакомых о. Жуковского, арестовали практически всех членов «двадцаток»; исключение составляла пожилая прихожанка, остальные были арестованы и расстреляны²⁸.

После допроса в Томске о. Жуковского отправили в Новосибирск, который «славился» своими чекистами. Итогом пыток стало собственноручно написанное признание, в котором он признавал себя виновным во всех инкриминировавшихся ему обвинениях. Известно, что ко времени подписания признания о. Жуковский после зверских избиений был психически больным человеком. 4 октября 1937 г. о. Антония Жуковского приговорили к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор привели в исполнение 12 октября 1937 г. в 10 часов вечера; в этот день не стало последнего католического священника

²⁴ Ханевич В.А. Указ. соч. С. 135.

²⁵ РГИА. Ф. 821. Оп. 128 Д. 402. Л. 9. Антоний Жуковский, римско-католический священник.

²⁶ Осипова И.И. Указ. соч. С. 164.

²⁷ Архив Управления ФСБ Томской области. Д. 15125. Л. 17–49.

²⁸ Ханевич В.А. Указ. соч. С. 136.

Сибири, оставшегося на свободе до 1937 г.²⁹ Согласно неполным данным, во время Большого террора было убито 62 католических священника³⁰. По данным российских исследователей, в 1937–1938 гг. было расстреляно 120 католических священников³¹. Однако не только священники становились жертвами Большого террора и антирелигиозной политики СССР. В конце 1937 – начале 1938 г. по всей Сибири прокатились волны массовых арестов: поляков, латышей, литовцев, белорусов, немцев – главным образом, приверженцев Католической церкви. Формально основанием для массовых арестов и групповых процессов стали так называемые национальные операции НКВД, начало которым положил приказ от 9 августа 1937 г. № 00485, следствием которого было начало так называемой польской операции НКВД³². Данная операция стала прототипом для остальных 11 национальных операций, в которых советская власть объединила не только борьбу и уничтожение национальных меньшинств, но и также, используя возможность, уничтожала религиозные конфессии. Стоит подчеркнуть, что формально Конституция 1936 г. «гарантировала» свободу вероисповедания; возможно, поэтому все обвинения, направленные против католиков и католических священников, были не по религиозной составляющей, а в контрреволюционной деятельности, шпионаже и антисоветских действиях.

Сибирские католики в результате сталинских репрессий лишились всех своих священнослужителей, всех храмов и церковного имущества, утратили организационное единство, потеряли многих своих родных и близких. После 1937 г. начинается новый период в истории католичества в СССР – так называемая Катакомбная церковь.

²⁹ Ханевич В.А. Указ соч. С. 137.

³⁰ Dzwonkowski R. Op. cit. S. 234.

³¹ Осипова И.И. Указ. соч. С. 1–6.

³² Петров Н.В., Рогинский А.Б. «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997.